

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 314.06

JEL J11

**НАСЕЛЕНИЕ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОГО СЕВЕРА¹**

В. В. Фаузер

fauzer.viktor@yandex.ru; <http://vvfauzer.ru>

доктор экономических наук, профессор,

заведующий лабораторией демографии и социального управления

Института социально-экономических и энергетических проблем Севера

ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»

г. Сыктывкар, Российская Федерация

Т. С. Лыткина

tlytkina@yandex.ru

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

Института социально-экономических и энергетических проблем Севера

ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»

г. Сыктывкар, Российская Федерация

А. В. Смирнов

av.smirnov.ru@gmail.com

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

лаборатории демографии и социального управления

Института социально-экономических и энергетических проблем Севера

ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»

г. Сыктывкар, Российская Федерация

Г. Н. Фаузер

gfauzer@iespn.komisc.ru

научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления

Института социально-экономических и энергетических проблем Севера

ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»

г. Сыктывкар, Российская Федерация

Т. В. Кузьмицкая

kuzmitskaya@bntu.by

старший преподаватель кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

Представлена общая динамика численности населения России, ее северных территорий и Республики Беларусь; показана роль демографических компонент в динамике численности населения и их трансформация в конце XX в. – начале XXI в. Особое внимание уделено результативности миграционного обмена северных территорий с субъектами России, показаны масштабы миграционных потерь. Отмечается, что российский Север высокоурбанизирован, по этому показателю превосходит как

¹ Статья подготовлена в рамках совместного проекта «Методология оценки и сравнительный анализ устойчивого развития малых и средних городов в условиях агломерационного эффекта (на примере Севера России и Республики Беларусь)» при поддержке РФФИ и БРФФИ: (договоры № 20-510-00007 и № Г20Р-220 от 04.05.2020 г.). Эта публикация – результат совместной работы за 2020 г.

Россию и Республику Беларусь, так и большинство стран Зарубежного Севера. По количеству городских населенных пунктов лидируют малые и средние города, в то же время по месту проживания основная часть населения живет в городах свыше 100 тыс. человек.

Ключевые слова: Север России, Республика Беларусь, колонизация, миграция населения, демографические компоненты.

Цитирование: Население малых и средних городов: сравнительный анализ Республики Беларусь и российского Севера / В. В. Фаузер [и др.]. // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 13. – С. 23–38. DOI: 10.21122/2309-6667-2021-13-23-38

Введение. Заселение северных и арктических территорий с позиции описательно-исторического подхода происходило в форме колонизации [1, с. 160]. Переселения и колонизация играли первостепенно важную роль не только в экономической, но и в культурной и политической истории всех времен и народов. Отличие русского переселения от наблюдаемых в других странах заключается в том, что избытки русского населения переселялись не в чужестранные государства, а в местности, входящие в состав русской государственной территории. Русский переселенец не чувствовал себя покидающим отечество [2, с. 3, 6, 7]. Различие между колонизацией и переселением состоит в том, что переселение есть акт частной жизни, а колонизация – государственной [3, с. 24].

Наиболее существенной предпосылкой успешной колонизации является право государства на естественные богатства страны, т. е. прежде всего на землю. Но при заселении территорий, где проживает аборигенное население возникает необходимость примирить противоположные интересы и вести земельную политику так, чтобы не обидеть ни тех, кто хочет сохранить свою землю, ни тех, кто хочет ее приобрести [4, с. 5, 6, 10]. Как проходила колонизация в России, в Америке и других частях света достаточно подробно рассмотрено в [5, с. 38–46].

Колонизация Европейского Севера начинается с X–XII вв. с проникновением славян на слабозаселенные земли финноугорским населением – предками нынешних карел, коми, вепсов, ненцев, саамов (лопарей) – и заканчивается в XVII в. с вхождением Севера в Московское государство. Присоединение Сибири и Дальнего Востока было позже, оно началось в конце XVI–начале XVII вв. и завершилось в середине XIX в. [6, с. 6]. Безусловно колонизация окраинных территорий продолжалась и в последующие годы, но начало было положено именно в эти периоды.

В XX в. освоение и заселение северных территорий носило противоречивый характер, но всегда преследовало экономические интересы страны, а не цели развития территории. С 1930 до конца 1950 гг. шла принудительная миграция, ей на смену пришел оргнабор [7]. С 1960 по 1990 г. государство использовало экономические методы для заселения северных территорий [8], вводило специальную систему льгот и гарантий [9, с. 39–71]. Рыночный период освоения Севера кардинально изменил ситуацию. Реакцией на снижение уровня жизни стали отрицательный режим воспроизводства и массовый отъезд населения [10, с. 95–96].

В Республике Беларусь демографическим процессам так же было уделено достаточно много внимания. В монографии А. А. Ракова отмечается, что на рубеже 1980–90-х гг. в Республике Беларусь произошла социальная катастрофа, завершившаяся демографической катастрофой – депопуляцией. В связи с этим демографическая ситуация оценивается как серьезная угроза устойчивому развитию и национальной безопасности страны. Демографический потенциал, который обеспечивался миграционным приростом, влиял на ухудшение его качественных характеристик, ибо в Беларусь

в основном прибывало возрастное, достигшее пенсионного или близкое к пенсионному возрасту население [11, с. 162, 164]. Достаточно подробно изучены демографический потенциал, человеческий и социальный капитал в условиях глобализации [12].

Объектом исследования являются Республика Беларусь и 13 северных субъектов России территории, которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним. К их числу относятся на Европейском Севере: республики Карелия и Коми, Архангельская и Мурманская обл., Ненецкий АО; на Азиатском Севере: республики Саха (Якутия) и Тыва, Камчатский край, Магаданская и Сахалинская обл., Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО. Для сопоставления данных показатели за 2020 г. по РФ взяты без учета Республики Крым и г. Севастополь.

Сравнительный анализ динамики численности населения Севера России и Республики Беларусь

Из 17,1 млн. кв. км площади России на территории, полностью относимые к Крайнему Северу и местности, приравненные к нему, приходится 7,6 млн. кв. км или 44,5 %. На 1 января 2020 г. численность населения российского Севера составила 9 млн. 858,5 тыс. человек или 6,72 % населения России. В регионах, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям – 7 млн. 822,7 тыс. человек или 5,33 % населения страны. Основная часть населения Севера проживает в субъектах, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям (79,35 % от численности населения Севера). Два региона имеют численность населения свыше одного миллиона человек: Архангельская обл. – 1 млн. 136,5 тыс. и Ханты-Мансийский АО – 1 млн. 674,7 тыс. человек. Один субъект не дотягивает до 50 тысяч: Ненецкий АО – 44,1 тыс. человек. Численность населения Азиатского Севера (4 млн. 510,2 тыс.) превосходит население Европейского Севера (3 млн. 312,5 тыс.) на 1 млн. 197,7 тыс. человек. Российский Север высоко урбанизирован, на сельское население приходится 1 млн. 461,8 тыс. (18,7 %), а на городское – 6 млн. 360,9 тыс. человек (81,3 %, в целом по России – 74,7 %).

Последнее десятилетие XX в. стало переломным в политической и экономической системе России. Это обстоятельство не могло не коснуться и миграционных настроений северян. С 1989 по 2020 г. численность населения северных регионов уменьшилась с 9 млн. 692,9 тыс. до 7 млн. 822,7 тыс. или на 1 млн. 870,2 тыс. человек. Сокращение коснулось как городского, так и сельского населения. В десяти регионах из тринадцати произошло уменьшение численности населения и только в трех – рост. К числу регионов, имеющих восходящую демографическую динамику, относятся Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Республика Тыва (таблица 1).

Таблица 1 – Численность населения Российской Федерации, Севера России и Республики Беларусь, переписи населения 1989 г. и 2010 г., текущие данные на начало 2020 г., тыс. человек

Регион	1989 г.			2010 г.			2020 г.		
	Всего	город	село	всего	город	село	всего	город	село
Российская Федерация¹	147022	107959	39063	142857	105314	37543	144387	108169	36218
Север России	9692,9	7654,6	2038,3	7917,0	6314,2	1602,8	7822,7	6360,9	1461,8
Европейский Север	4775,3	3810,5	964,8	3567,8	2863,0	704,8	3312,5	2715,8	596,7
Республика Карелия	790,2	643,5	146,7	643,6	502,2	141,4	614,1	497,4	116,7
Республика Коми	1250,8	944,4	306,4	901,2	693,4	207,8	820,5	641,7	178,8
Архангельская Область	1569,7	1151,6	418,1	1227,6	929,0	298,6	1136,5	893,3	243,2
Ненецкий АО	53,9	34,3	19,6	42,1	28,5	13,6	44,1	32,5	11,6
Мурманская область	1164,6	1071,0	93,6	795,4	738,4	57,0	741,4	683,4	58,0

¹ Без учета Республики Крым и г. Севастополь.

Окончание таблицы 1

Азиатский Север	4917,6	3844,1	1073,5	4349,2	3451,2	898,0	4510,2	3645,1	865,1
Республика Саха (Якутия)	1094,1	732,0	362,1	958,5	614,5	344,0	972,0	642,7	329,3
Республика Тыва	308,6	144,3	164,3	307,9	163,4	144,5	327,4	177,8	149,6
Камчатский край	471,9	384,4	87,5	322,1	249,2	72,9	313,0	245,6	67,4
Магаданская область	391,7	328,3	63,4	157,0	149,8	7,2	140,1	134,6	5,5
Сахалинская область	710,2	584,2	126,0	498,0	397,1	100,9	488,3	402,1	86,2
Ханты-Мансийский АО – Югра	1282,4	1166,3	116,1	1532,3	1401,5	130,8	1674,7	1549,3	125,4
Ямало-Ненецкий АО	494,8	385,6	109,2	522,9	443,0	79,9	544,4	457,0	87,4
Чукотский АО	163,9	119,0	44,9	50,5	32,7	17,8	50,3	36,0	14,3
Республика Беларусь	10151,8	6641,4	3510,4	9503,8	7064,5	2439,3	9408,4	7303,8	2104,6

Источник: составлено авторами на основе статистических данных^{1,2}

Численность населения России в 2020 г. составляла 144 млн. 387 тыс. человек, из которых – 74,9 % проживало в городах и поселках городского типа (далее – пгт). По отношению к 1989 г. население страны сократилось на 2 млн. 635 тыс. человек, в том числе сельское – на 2 млн. 845 тыс., а городское увеличилось на 210 тыс.

В Республике Беларусь при общем сокращении численности населения, включая сельское, городское население постоянно росло. Так с 1989 по 2020 г. население Республики Беларусь уменьшилось на 743,4 тыс. человек, в том числе сельское на 1 млн. 405,8 тыс. при росте городского на 662,4 тыс. Уровень урбанизации повысился с 65,4 % в 1989 г. до 77,6 % в 2020 г.

Результативность миграционного обмена Севера России и Республики Беларусь

Экономические причины являются определяющими для управления миграцией. Это хорошо проявилось в конце XX – начале XXI вв., когда между северной периферией и центром обострилось социально-экономическое неравенство [13, с. 146–147]. Если до 1990 гг. северяне имели более высокую заработную плату, то в последующие годы темпы ее роста резко замедлились и стали уступать среднероссийским, а в отдельных регионах и отраслях даже уступать по абсолютной величине. Например, отношение средней заработной платы в субъекте к средней заработной плате по стране составляло в Карелии в 2000 г. 115,1, а в 2018 г. – 90,1 %, в Ямало-Ненецком АО – 403,2 и 222,3, в Ханты-Мансийском АО – 381,9 и 162,1 % соответственно [14, с. 123–129]. Рыночный механизм разрушил заложенные в советское время компенсации за труд и проживание в сложных климатических условиях [15, с. 34–36].

По России в целом и ее северным регионам наблюдается разнонаправленная динамика. В России уже четверть века идет миграционный прирост населения и скорее всего он сохранится в ближайшие годы. За 1991–2019 гг. механический прирост в России составил 9 млн. 938,8 тыс. человек, но естественная убыль была значительно больше – 13 млн. 825,7 тыс., что дало отрицательный прирост населения – 3 млн. 886,9 тыс. человек.

На Севере России демографическая динамика и результативность миграционного обмена отличаются от российских трендов. В трех рассмотренных периодах естественный прирост был положительным, что обеспечило его прирост за весь период в 337,3 тыс. человек или в среднем 11,6 тыс. человек в год. Миграции, наоборот, уменьшали численность населения Севера России. За 1991–2019 гг. механическая убыль составила 2 млн. 232,3 тыс. человек. Но это в целом по Северу.

¹ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/>. – Дата доступа: 10.12.2020.

² Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 10.12.2020.

Если рассмотреть тенденции отдельно по азиатской и европейской частям, то динамика будет у них различаться. На Европейском Севере и естественный, и механический приросты имели все годы отрицательную величину. При этом если в естественном приросте нет определенного тренда, то в механической убыли он четко прослеживается – идет постоянное снижение среднегодовой убыли населения с 58,8 в 1991–2000 гг. до 23,6 тыс. человек в 2011–2019 гг.

Азиатский Север благодаря автономным округам, где экономика ориентирована на нефтегазовый сектор, имел положительное воспроизводство населения и ниспадающую миграционную убыль населения. Так, если в 1991–2000 гг. среднегодовая миграционная убыль по Азиатскому Северу составляла 77,6, то в 2011–2019 – 15,0 тыс. человек. Это обеспечило Азиатскому Северу с 2001 г. положительный общий прирост населения (таблица 2).

Таблица 2 – Прирост (убыль) населения Российской Федерации, Севера России и Республики Беларусь, 1991–2019 гг., человек

Регион	Период	Прирост (убыль)			Среднегодовой прирост (убыль)	
		общий	естественный	механический	естественный	Механический
Российская Федерация ¹	1991–2000	-1970135	-6726454	4756319	-672645	475632
	2001–2010	-3438178	-6414387	2976209	-641439	297621
	2011–2019	1521397	-684900	2206297	-76100	245144
	1991–2019	-3886916	-13825741	9938825	-476750	342718
Север России	1991–2000	-1331161	32502	-1363663	3250	-136366
	2001–2010	-472060	49010	-521070	4901	-52107
	2011–2019	-91796	255798	-347594	28422	-38621
	1991–2019	-1895017	337310	-2232327	11631	-76977
Европейский Север	1991–2000	-725403	-137796	-587607	-13780	-58760
	2001–2010	-502932	-156456	-346476	-15645	-34648
	2011–2019	-248278	-35973	-212305	-3997	-23589
	1991–2019	-1476613	-330225	-1146388	-11387	-39531
Азиатский Север	1991–2000	-605758	170298	-776056	17030	-77606
	2001–2010	30872	205466	-174594	20546	-17459
	2011–2019	156482	291771	-135289	32419	-15032
	1991–2019	-418404	667535	-1085939	23018	-37446
Республика Беларусь (тыс. человек)	1991–2000	-233,1	-254,1	21,0	-25,4	2,1
	2001–2010	-475,5	-415,6	-59,9	-41,6	-6,0
	2011–2019	-72,8	-125,2	52,4	-13,9	5,8
	1991–2019	-781,4	-794,9	13,5	-27,4	0,5

Источник: составлено авторами на основе статистических данных^{2,3}

Республика Беларусь имела схожую демографическую динамику с Россией. Она также за все годы имела отрицательный общий и естественный прирост населения. В то же время в течение 1991–2000 и 2011–2019 гг. был отмечен положительный механический прирост населения.

В целом можно отметить, что в 1991–2019 гг. Россия имела положительный среднегодовой механический прирост в 342,7 тыс. человек. В этот же период Север

¹ Без учета Республики Крым и г. Севастополь.

² Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/>. – Дата доступа: 10.12.2020.

³ Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 10.12.2020.

России терял в год 77,0 тыс. человек, в том числе Европейский – 39,5 и Азиатский Север – 37,5 тыс. человек. В Республике Беларусь среднегодовая естественная убыль составляла – 27,4 при положительном механическом приросте – 0,5 тыс. человек.

Формирование городского пространства

В настоящее время большинство населения мира проживает в городах. В 2020 г. население планеты составило 7,8 млрд. человек, из них 56 % живет в городах¹. Согласно прогнозу, в 2050 г. горожан будет примерно 68 %². Однако несмотря на то что быстрый рост городов наблюдается практически во всех странах мира, уровни урбанизации в разных географических регионах весьма неодинаковы. В то время как большинство стран Латинской Америки урбанизированы в той же степени, как и страны Европы, страны Южной и Восточной Азии, Центральной Африки остаются преимущественно сельскохозяйственными. В северных странах уровень урбанизации очень высокий: Дания – 88 %, Швеция – 88 %, Норвегия – 82 %, Канада – 81 %, Беларусь – 78 % и Россия – 74 %¹.

Основным результатом колонизации, принудительной и добровольной миграций в северные и дальневосточные районы России стало возникновение на этих территориях городских поселений. Сегодня в России 2276 городских населенных пунктов, из них на города приходится 1099, в том числе на малые и средние – 931. На российском Севере их соответственно 290, 117 и 102, а в Республике Беларусь их соотношение 201, 115 и 100. С 1989 по 2020 г. число городских поселений везде снижалось в основном из-за сокращения числа пгт. Города, в том числе малые и средние показывали позитивную динамику. Доля малых и средних городов колебалась в рассматриваемой совокупности от 84,1 до 89,3 % (таблица 3).

Таблица 3 – Число городских населенных пунктов в Российской Федерации, на Севере России и в Республике Беларусь, 1989–2020 гг.

Группы поселений	Российская Федерация				Север России				Республика Беларусь		
	Перепись			на нач. 2020 г. ³	Перепись			на нач. 2020 г.	перепись		на нач. 2019 г.
	1989 г.	2002 г.	2010 г.		1989 г.	2002 г.	2010 г.		1989 г.	2009 г.	
Число городских населенных пунктов	3230	2940	2386	2276	460	382	303	290	210	206	201
в т. ч. города	1037	1098	1100	1099	105	121	118	117	99	112	115
из них малые и средние	872	931	936	931	92	108	104	102	87	99	100
Пгт	2193	1842	1286	1177	355	261	185	173	111	94	86

Источник: составлено авторами на основе статистических данных^{4, 5}

¹ Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/app/world2020_0.php. – Дата доступа: 10.12.2020.

² Численность населения Земли достигла в 2019 г. 7,7 млрд человек [Электронный ресурс] // «Интерфакс». – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/656715>. – Дата доступа: 07.12.2020.

³ Без учета Республики Крым и г. Севастополь.

⁴ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/>. – Дата доступа: 10.12.2020.

⁵ Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 10.12.2020.

Российский Север по уровню урбанизации не уступает северным странам – 81,3 %. Число городских поселений насчитывает 290. Из них крупных городов – 6, больших – 9, средних – 10, малых – 92 и пгт – 173. Доля городского населения в Арктике еще выше – 88,0 %, а с учетом территорий экономической поддержки – 86,6 % [16, с. 4–5].

Большие и крупные города создают благодатную почву для инновационной деятельности и способствуют созданию рабочих мест и обеспечению экономического роста, они «располагают ресурсами агломерационной экономики и выгодами экономики масштаба» [17, с. 2063–2117]. В малых и средних городах, наоборот, «при прочих равных условиях, выше вероятность их социально-демографической депрессии, больше относительные потери населения в ходе оттока и депопуляции. А к депрессивным по ряду признаков (убыточность градообразующих предприятий, незанятость трудоспособных граждан, низкие зарплаты или их отсутствие и др.) в начале 2010-х гг. можно было отнести 2/3 малых городов и 1/5 средних» [18, с. 17].

Малые и средние города российского Севера – это в основном новые ресурсные города, созданные в XX в. Довольно часто их жизненный цикл зависит от разведанных запасов сырья и потребительского спроса. Пример проблемных городов Республики Коми яркое тому подтверждение: Вуктыл (1984) на грани закрытия из-за исчерпания запасов газа, Инта (1954) перестала быть угольной после ликвидации в 2018 г. последней шахты «Интинская». Будущее многих монопрофильных поселений бесперспективно [19].

Повышенный интерес к малым и средним городам вызван еще и тем, что если большие и крупные города, мегаполисы получили значительные бонусы при переходе к новым социально-экономическим условиям, «то малые города, расположенные далеко от региональной или федеральной столицы, оказались заброшенной периферией с массой экономических и социальных проблем у жителей» [20, с. 66]. Рыночная экономика дала импульс развитию больших городов, но в то же время стала причиной стагнации малых и моногородов [21, с. 24–25]. Значительная часть предприятий, введенных в строй в советское время, стали экономически неустойчивы [22, с. 76]. А города, чья экономика была построена на таких предприятиях оказались неконкурентоспособными. Однако «в отличие от неконкурентоспособной компании, неконкурентоспособный город не может уйти с рынка и прекратить свое существование» [23, с. 130].

Северные города наряду с пгт образуют опорные поселения [24, с. 27], обеспечивают заселенность территории. Тем не менее средняя людность городских поселений на Севере в 2,2 раза ниже, чем по стране в целом, густота – в 3,5 раза, а плотность населения – в 8,2 раза. Это снижает конкурентоспособность и качество жизни населения на Севере, провоцирует миграционный отток молодежи, что не стимулирует власти решать проблемы обустройства пустеющих территорий [25, с. 74]. В других северных странах происходят похожие процессы, но зачастую менее интенсивно. «Условия Севера во всем мире в существенной мере препятствуют городскому развитию по традиционному сценарию городской экономики» [26, с. 6].

Как было отмечено выше, по числу лидируют малые и средние города. Однако распределение населения России по проживанию в городах разной величины показывает, что с 1989 по 2020 г. доля проживающих в малых и средних городах уменьшилась с 18,4 до 17,9 %, а на Севере России и в Республике Беларусь она возросла и составила соответственно 27,9 и 30,2 %; 19,4 и 20,1 %. Как видим основная доля горожан проживает в городах, насчитывающих более 100 тыс. человек. Доля проживающих в пгт и сельских населенных пунктах постоянно сокращалась (таблица 4).

Таблица 4 – Распределение населения по населенным пунктам Российской Федерации, на Севере России и в Республике Беларусь, 1989–2020 гг., %

Группы поселений	Российская Федерация			Север России			Республика Беларусь		
	1989	2010	2020 ¹	1989	2010	2020	1989	2009	2019
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в т. ч. городах	64,2	68,3	70,0	60,3	69,9	72,1	60,5	70,6	75,3
из них малых и средних	18,4	19,1	17,9	27,9	32,1	30,2	19,4	21,6	20,1
Пгт	9,2	5,4	4,9	18,7	9,9	9,2	5,0	3,7	3,1
сельских населенных пунктах	26,6	26,3	25,1	21,0	20,2	18,7	34,5	25,7	21,6

Источник: составлено авторами на основе статистических данных^{2,3}

Для Севера малые и средние города важны также и тем, что в 2020 г. в них проживало 37,5 % городских жителей (в России – 23,9 %). Они наряду с пгт образуют основной расселенческий каркас заселенности территории, сглаживающий неравномерность и разреженность расселения, повышающий связность поселений, для обеспечения ими хозяйственных и социальных взаимодействий. Пропорции городских систем в значительной мере определяются историей освоения территорий, их отраслевой специализацией и сетью транспортной инфраструктуры. Но существует и обратная связь: городская структура задает пространственный каркас, резервы и ограничения развития. Крупные города располагают ресурсами агломерационной экономики и выгодами экономики масштаба [27 с. 61].

Малые и средние города занимают особое место в поселенческой сети российского Севера уже по тому, что они наиболее многочисленны. В 1939 г. из 32 городов 30 приходилось на малые и средние, из них 18 находились на Европейском и 12 на Азиатском Севере. Пик количества данных поселений был отмечен в 2002 г. – 108 (Европейский Север – 47 и Азиатский Север – 61). К 2020 г. их число сократилось до 102. В 2020 г. число малых и средних городов было наибольшим в Мурманской – 15, Сахалинской обл. – 13, по 12 – в Архангельской обл., в республиках Карелия и Саха (Якутия), в Ханты-Мансийском АО – Югра.

В отличие от динамики численности населения в целом и городского в частности (рост до 1989) численность населения малых и средних городов увеличивалась до 2002 г., прирост населения с 1939 г. составил 2 млн. 230,1 тыс. человек, затем последовало уменьшение численности населения на 380,2 тыс. человек. Убыль населения произошла повсеместно, исключение составили Ненецкий и Чукотский АО. Объяснить это можно тем, что «из-за падения благосостояния населения, сокращения занятости, отсутствия благоприятных условий для ведения бизнеса и прочих негативных социально-экономических процессов малые города становятся все более непривлекательными не только для инвесторов, но и для населения» [23, с. 131]. В большинстве регионов динамика численности городского населения соответствует динамике всего населения, по малым и средним городам она сохраняется только в двух регионах –

¹ Без учета Республики Крым и г. Севастополь.

² Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/>. – Дата доступа: 10.12.2020.

³ Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 10.12.2020.

Республике Карелия и Мурманской обл., разнонаправленность объясняется колебаниями величины городов с последующим изменением их статуса.

В 1939 г. только Республика Карелия имела численность населения малых и средних городов свыше 100 тыс. человек. К 2020 г. их стало восемь, а в шести субъектах численность населения малых и средних городов стала превышать 200 тыс. человек: в Ханты-Мансийском АО – Югра – 487,5, Мурманской обл. – 335,3, Республике Коми – 303,7, Архангельской обл. – 273,1, Ямало-Ненецком АО – 204,3 и Республике Саха (Якутия) – 200,1 (таблица 5).

Таблица 5 – Численность населения малых и средних городов северных субъектов России, 1939–2020 гг., человек

Регион	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2020 г.
Российская Федерация (тыс. чел.)¹	12 638,1	20 479,6	23 451,7	24 504,1	27 088,8	27 705,8	27 298,4	25 871,2
Север России	516 945	1 499 763	1 595 787	1 783 914	2 708 275	2 747 021	2 545 009	2 366 844
Европейский Север	315 354	794 493	918 873	1 024 587	1 238 749	1 201 230	1 188 759	1 092 269
Респ. Карелия	124 067	134 868	177 337	205 552	241 448	219 530	197 852	180 165
Респ. Коми	25 281	259 151	275 723	233 037	255 221	292 670	351 564	303 654
Архангельская обл.	92 842	226 102	168 785	231 478	284 705	292 293	282 307	273 122
Ненецкий АО	13 670	13 222	16 864	23 435	20 012	18 611	21 658	25 151
Мурманская обл.	73 164	174 372	297 028	354 520	457 375	396 737	357 036	335 328
Азиатский Север	201 591	705 270	676 914	759 327	1 469 526	1 545 791	1 356 250	1 274 575
Респ. Саха (Якутия)	81 635	113 980	87 720	126 289	227 302	225 454	210 062	200 060
Респ. Тыва	0	48 972	77 936	98 822	125 371	39 025	38 440	39 045
Камчатский край	35 373	85 582	0	36 210	58 465	72 772	62 474	61 568
Магаданская обл.	27 313	62 225	104 748	16 025	16 895	107 232	101 837	96 407

¹ Без учета Республики Крым и г. Севастополь.

Окончание таблицы 5

Саха-линская обл.	44 506	357 267	270 525	287 842	310 437	225 893	181 816	159 834
Ханты-Мансийский АО	0	20 677	95 825	102 178	398 502	495 687	545 693	487 508
Ямало-Ненецкий АО	12 764	16 567	21 929	68 660	301 595	357 303	193 215	204 324
Чукотский АО	0	0	18 231	23 301	30 959	22 425	22 713	25 829

Источник: составлено авторами на основе статистических данных^{1,2}

Население малых и средних городов по северным субъектам распределено крайне неравномерно. По удельному весу населения проживающего в малых и средних городах субъекта от общей численности населения малых и средних городов российского Севера (более 10 %) в 1939 г. выделялись Республика Карелия – 24,0, Архангельская обл. – 18,0, Республика Саха (Якутия) – 15,8 и Мурманская обл. – 14,2 %. В 1989 г. таких субъектов было уже пять: Мурманская обл. – 16,9 %, Ханты-Мансийский АО – 14,7, Сахалинская обл. – 11,5, Ямало-Ненецкий АО – 11,1 и Архангельская обл. – 10,5. К 2020 г. в связи с экстенсивным освоением нефтегазовых месторождений в Сибири на первое место вышел Ханты-Мансийский АО – 20,6 %, затем следует Мурманская обл. – 14,2, Республика Коми – 12,8 и сохранила позиции Архангельская обл. – 11,5.

Выводы. Показано, что освоение и заселение окраинных территорий России происходило в форме колонизации. Раскрыт сложный исторический путь формирования населения на российском Севере: от принудительных миграций к формам экономического стимулирования и вновь до полного игнорирования проблем северных регионов в 1990 гг. В настоящее время конфигурация расселения определяется не столетними ведомствами, а ресурсными компаниями. Они становятся главными игроками на северном пространстве. От их политики зависит развитие территорий, благополучие коренных народов и старожильческого населения.

Для российского Севера вектор в расселении населения на долгосрочную перспективу определен «Генеральной схемой расселения на территории Российской Федерации». В ней предлагается: не формировать постоянные поселения в местах с неблагоприятными медико-географическими условиями в связи с чем предлагается переход от политики проживания к политике пребывания некоренного населения, особенно в условиях Крайнего Севера; развивать крупные городские поселения – базовые центры проживания населения, концентрировать население в перспективных поселениях со стабильной социально-экономической базой, не создавать новые мелкие поселения, шире внедрять вахтовый метод организации труда; рекомендуется максимально ограничить рост городов; постепенный переход к осуществлению плановой сменности работников; предстоит преодолеть усиливающуюся стагнацию малых и

¹ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/>. – Дата доступа: 10.12.2020.

² Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 10.12.2020.

средних городских поселений, определяющих экономическую и социальную жизнь окружающих сельских районов¹.

При анализе динамики численности населения приводится роль каждой демографической компоненты, присущих естественному и миграционному движению России, Севера и Республики Беларусь, выделяются их общие черты и региональные особенности. Все северные субъекты разделены на группы, имеющие позитивную и ниспадающую демографическую динамику, объяснить которую можно производственной специализацией регионов.

Рассматривая эволюцию развития городов отмечается, что по количеству лидируют малые и средние города, их доля в России, ее северных территориях и Республике Беларусь варьирует от 84 до 89 %. Однако основная масса населения проживает в городах с численностью населения свыше 100 тыс. человек: Россия – 74,5, Республика Беларусь – 73,3, Север России – 58,0 %.

Еще на один момент хотелось бы обратить внимание. В последние годы Правительство России больше внимания стало уделять Арктике. Есть опасение, что северные территории, не вошедшие в Арктику, в очередной раз станут отдаленными или «отделенными» от финансов, материальных ресурсов, внимания и протекционизма государства [28, с. 126].

Какие исследования малых и средних городов Севера России и Республики Беларусь должны стать приоритетными на ближайшую перспективу:

– во-первых, научный интерес должен быть сконцентрирован на изучении производственной специализации малых и средних городов, развитии их инфраструктуры, разработке мер по сохранению и укреплению их социально-экономической базы. Каркас расселения слабозаселенных и приграничных территорий Севера России базируется, хотим мы этого или нет, на малых и средних городах;

– во-вторых, учитывая исключительно важную роль малых и средних городов в пространственном развитии Севера России, в перспективе необходимо разработать методику по оценке степени «насыщенности и обеспеченности» малыми и средними городами слабозаселенных и приграничных территорий, определить количественно приемлемую/достаточную долю населения малых и средних городов в общей численности населения региона/республики, предложить своеобразный «коридор», показывающий, если доля населения малых и средних городов меньше нижней границы, то территория имеет низкую связность и заселенность, а если превышает верхнее значение коридора, то в регионе мало больших и крупных городов, обладающих инновационным потенциалом, являющихся точками экономического роста.

Благодарности

Авторы выражают признательность Е. А. Клинцовой и Н. Ю. Журавлеву за помощь в подготовке рукописи к печати.

Список использованных источников

1. Фаузер, В. В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, А. В. Смирнов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 158-174. DOI:10.15838/esc.2020.3.69.11.

¹ Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации, 1994, с. 19 (одобрена Правительством РФ, протокол от 15.12.1994 № 31).

2. Кауфман, А. А. Переселение и колонизация / А. А. Кауфман. – СПб. : Тип. т-ва "Общественная польза", 1905. – 443 с.
3. Давидов, Д. А. Колонизация Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии / Д. А. Давидов. – Владивосток : Вост. ин-т., 1911. – 187 с.
4. Гинс, Г. К. Земельная политика в колониях / Г. К. Гинс // Переселение и колонизация : в 2 т. / Г. К. Гинс. – СПб., 1913. – Т. 2. – 65 с.
5. Рыбаковский, Л. Л. Колонизация азиатской части России: особенности осуществления и геополитические последствия / Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. – 2018. – № 8. – С. 38–46. DOI:10.31857/S013216250000760-9.
6. Окладников, А. П. Открытие Сибири / А.П. Окладников. – Изд. 2-е. – М. : Молодая гвардия, 1981. – 223 с.
7. Лыткина, Т. С. Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930-1950-е гг. / Т. С. Лыткина, В. В. Фаузер // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – Том 19, № 1. – С. 90–109.
8. Фаузер, В. В. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Вестник НИЦ КПУВИ СГУ. – 2015. – № 3. – С. 151–168.
9. Фаузер, В. В. Демографические и миграционные процессы на российском Севере: 1980–2000 гг. / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер. – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. – 168 с.
10. Лыткина, Т. С. Вытеснение на российском Севере: миграционные процессы и неолиберальная политика / Т. С. Лыткина, А. В. Смирнов // Арктика и Север. – 2019. – № 37. – С. 94–117. DOI:10.17238/issn2221-2698.2019.37.94.
11. Раков, А. А. Демографические ритмы и перемены: к познанию белорусского социума : избранное / А. А. Раков ; редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2014. – 336 с.
12. Демографический потенциал, человеческий и социальный капитал в условиях глобализации / С. Ю. Солодовников [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики НАН Беларуси, Центр системного анализа и стратегических исслед. НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2006. – 396 с.
13. Фаузер, В. В. Миграционные процессы на российском Севере / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина // Социальная политика и социология. – 2017. – Т. 6., № 1 (120). – С. 141–149.
14. Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России / В. В. Фаузер [и др.] ; отв. ред. В. В. Фаузер. – М. : Экон-Информ, 2018. – 215 с. – (Б-ка демографа, вып. 21).
15. Лыткина, Т. С. Российский Север в условиях глобальной неолиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение? / Т. С. Лыткина, А. В. Смирнов // Мир России. – 2019. – Т. 28, № 3. – С. 27–47. DOI:10.17238/issn2221-2698.2019.37.94.
16. Фаузер, В. В. Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов // Арктика: экология и экономика. – 2020. – № 4 (40). – С. 4–18. DOI:10.25283/2223-4594-2020-4-4-18.
17. Duranton, G. Micro-foundations of Urban Agglomeration Economies / G. Duranton, D. Puga // Handbook of Regional and Urban Economics. – 2004. – Vol. 4. – P. 2063–2117.
18. Нефедова, Т. Г. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? / Т. Г. Нефедова, А. И. Трейвиш // Региональные исследования. – 2017. – № 2 (56). – С. 12–23.

19. Фаузер, В. В. Человеческие ресурсы энергетического комплекса Республики Коми / В. В. Фаузер, Е. В. Климашевская. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 2004. – 176 с.
20. Корчагина, И. И. Уровень жизни населения малых городов России / И. И. Корчагина, Л. А. Мигранова // Народонаселение. – 2012. – № 2. – С. 66–74.
21. Растворцева, С. Н. Развитие методического обеспечения оценки и прогнозирования социально-экономического состояния моногорода / С. Н. Растворцева, И. В. Манаева – М. : Изд-во «Экон-Информ», 2016. – 113 с.
22. Гаврильева, Т. Н. Северные города: общие тренды и национальные особенности / Т. Н. Гаврильева, Е. А. Архангельская // ЭКО. – 2016. – № 3. – С. 63–79.
23. Коротич, М. В. Оценка экономической конкурентоспособности малого города / М. В. Коротич // ЭКО. – 2015. – № 8. – С. 130–136.
24. Фаузер, В. В. Методика определения опорных поселений российской Арктики / В. В. Фаузер [и др.] // Экономические и социальные перемены. – 2019. – Т. 12, № 5. – С. 25–43. DOI:10.15838/esc.2019.5.65.2.
25. Козлова, О. А. Факторы пространственной дифференциации городского расселения промышленных регионов Урала и Зауралья / О. А. Козлова, О. Н. Соськова // Ars Administrandi. Искусство управления. – 2018. – Т. 10, № 1. – С. 64–79. DOI:10.17072/2218-9173-2018-1-64-79.
26. Замятина, Н. Ю. Северный город-база: особенности развития и потенциал освоения Арктики / Н. Ю. Замятина // Арктика: экология и экономика. – 2020. – № 2 (38). – С. 4–17. DOI:10.25283/2223-4594-2020-2-4-17.
27. Коломак, Е. А. Развитие городской системы Сибири в постсоветский период: прогнозы и реальность / Е. А. Коломак // ЭКО. – 2018. – № 7. – С. 57–66. DOI:10.30680/ECO0131-7652-2018-7-57-66.
28. Фаузер, В. В. Государственные преференции для населения отдаленных и северных территорий России / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер // Арктика и Север. – 2017. – № 29. – С. 90–127. DOI:10.17238/issn2221-2698.2017.29.90.

Статья поступила в редакцию 2 марта 2021 года

URBAN SETTLEMENT POPULATION: RUSSIAN NORTH AND THE REPUBLIC OF BELARUS COMPARATIVE ANALYSIS

V. V. Fauzer

Doctor of Economics, Professor,
Head of the Laboratory of Demography and Social Management,
Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North
of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Syktyvkar, Russian Federation

T. S. Lytkina

PhD in Sociology, Senior Researcher
Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North
of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Syktyvkar, Russian Federation

A. V. Smirnov

PhD in Economics, Senior Researcher
Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North
of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Syktyvkar, Russian Federation

G. N. Fauzer

Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North
of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Syktyvkar, Russian Federation

T. V. Kuzmitskaya

Senior Lecturer of the Department of "Economics and Law"
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The general dynamics of the Russia population in its northern territories, and the Belarus Republic is presented; the demographic component role in population dynamics and their transformation in the late twentieth century and early twenty-first century is shown. Special attention is paid to the effectiveness of migration exchange between the Northern territories and the Russian regions, and the scale of migration losses is shown. It is noted that the Russian North is highly urbanized, surpassing both Russia and the Belarus Republic and most of the countries of the foreign North in this indicator. In terms of the urban locality number, small and medium-sized cities are the leaders, while the majority of the population lives in cities of more than 100 thousand people.

Keywords: North of Russia, Republic of Belarus, colonization, population migration, demographic components.

Acknowledgment

The authors are grateful to E. Klintsova and N. Zhuravlev for her help in preparing the manuscript for publication.

References

1. Fauzer, V. V., Lytkina, T. S., Smirnov, A. V. (2020) Naselenie Mirovoi Arktiki: rossiiskii i zarubezhnyi podkhody k izucheniyu demo-graficheskikh problem i zaseleniyu territorii [Population of the World Arctic: Russian and Foreign Approaches to Studying Demographic Problems and Settlement of Territories]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz.* 13 (3), 158-174. Available from: doi:10.15838/esc.2020.3.69.11. (In Russian).
2. Kaufman, A. A. (1905) *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and colonization]. St. Petersburg, Tovarishchestvo "Obshchestvennaya pol'za". (In Russian).
3. Davidov, D. A. (1911) Kolonizatsiya Man'chzhurii i Severo-Vostochnoj Mongolii [Colonization of Manchuria and Northeastern Mongolia], Vladivostok, *Izvestiya Vostochnogo instituta.* 37(1). (In Russian).
4. Gins, G. K. (1913) *Zemel'naya politika v koloniyakh* [Land policy in the colonies]. St. Petersburg, Tipografiya F. Vaisberga i P. Gershunina. (In Russian).
5. Rybakovskii, L. L. (2018) Kolonizatsiya aziatskoi chasti Rossii: osobennosti osushchestvleniya i geopoliticheskie posledstvia [Colonization of the Asian Part of Russia: specifics of implementation and geopolitical consequences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* (8), 38-46. (In Russian). Available from: doi:10.31857/S013216250000760-9.
6. Okladnikov, A. P. (1981) *Otkrytie Sibiri* [Discovery of Siberia]. 2nd ed., Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russian).
7. Lytkina, T. S., Fauzer, V. V. (2016) Gosudarstvennoe upravlenie prinuditel'noi migratsiei kak sposob osvoeniya Severa Rossii v 1930-1950-e gg. [State management of the forced migration as a way of the North of Russia development in the 1930-1950]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology.* 19 (1), 90-109. (In Russian).
8. Fauzer, V. V., Fauzer, G. N., Lytkina, T. S. (2015) Gosudarstvennoe upravlenie migratsiei naseleniya: ot prinuzhdeniya k pooshchreniyu [Governance population migration: from forced migration to support]. (In Russian).

from compulsion to encouragement]. *Corporate governance and innovative economic development of the North: Bulletin of research center of corporate law, management and venture investment of Syktyvkar state University*. (3), 151-168. (In Russian).

9. Fauzer, V. V. (ed.), Lytkina, T. S., Fauzer, G. N. (2016) *Demograficheskie i migratsionnye protsessy na rossiiskom Severe: 1980-2000 gg.* [Demographic and migration processes in the Russian North: 1980-2000]. Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. (In Russian).

10. Lytkina, T. S. (2019) Vytesnenie na rossiiskom Severe: migratsionnye protsessy i neoli-beral'naya politika [Expulsions in the Russian North: migration processes and neoliberal policy]. *Arctic and North*. (37), 94-113. (In Russian).

11. Rakov, A.A. (2014) *Demograficheskie ritmy i peremeny: k poznaniyu belorusskogo sociuma: izbrannoe* [Demographic rhythms and changes: towards the knowledge of the Belarusian society: favorites], Ed.: Danilov A.N. [and oth.]. Minsk: Belaruskaya navuka. (In Russian).

12. Solodovnikov, S.Y., Kuz'mickaya, T.V., Rakov A.A. and oth. (2006) *Demograficheskij potencial, chelovecheskij i social'nyj kapital v usloviyah globalizacii* [Demographic potential, human and social capital in the context of globalization], Institut ekonomiki NAN Belarusi. Minsk: Pravo i ekonomika. (In Russian).

13. Fauzer, V. V., Lytkina, T. S. (2017) Migratsionnye protsessy na rossiiskom Severe [Migration Processes in the Russian North]. *Social policy and sociology*. 120 (1), 141-149. (In Russian).

14. Fauzer, V. V. (ed.), Fauzer, G. N., Lytkina, T. S., Yurkov, D. V., Zhuravlev, N. Yu. (2018) *Demograficheskie i trudovoi faktory ustoichivogo razvitiya severnykh regionov Rossii* [Demographic and labor factors of sustainable development of the northern regions of Russia]. Moscow, Publishing house Ekon-Inform Ltd. (In Russian).

15. Lytkina, T. S., Smirnov, A. V. (2019) Rossiiskii Sever v usloviyakh global'noi neoliberal'noi politiki: preodolenie prostranstvennogo neravenstva ili vytesnenie? [The Russian North in the Context of Global Neoliberal Politics: Overcoming Spatial Inequality or Expulsion]. *Universe of Russia*. 28 (3), 27-47. (In Russian).

16. Fauzer, V. V., Smirnov, A. V. (2020) Migratsii naseleniya rossiiskoi Arktiki: modeli, marshruty, rezul'taty [Migration of the Russian Arctic population: models, routes, results]. *Artic: Ecology and Economy*. 40 (4), 4-18. (In Russian).

17. Duranton, G., Puga, D. (2004) Micro-foundations of Urban Agglomeration Economies. *Handbook of regional and urban economics*. 4, 2063-20117.

18. Nefedova, T. G., Treyvish, A. I. (2017) Perestroika rasseleniya v sovremennoi Rossii: urbanizatsiya ili dezurbanizatsiya? [The transformation of settlement in modern Russia: urbanization or se-urbanization?]. *Regional'nye issledovaniya*. 56 (2), 12-23. (In Russian).

19. Fauzer, V. V., Klimashevskaya, E. V. (2004) *Chelovecheskie resursy ehnergeticheskogo kompleksa Respubliki Komi* [Human resources of the energy complex of the Komi Republic]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).

20. Korchagina, I. I., Migranova, L. A. (2012) Uroven' zhizni naseleniya malykh gorodov Rossii [Living standards in small Russian towns]. *Population*. (2), 66-74. (In Russian).

21. Rastvortseva, S. N., Manaeva, I. V. (2016) *Razvitie metodicheskogo obespecheniya otsenki i prognozirovaniya sotsial'no-ehkonomicheskogo sostoyaniya monogoroda* [Development of methodical maintenance of forecasting evaluation of socio-economic condition of the company towns]. Moscow, Publishing house Ekon-Inform Ltd. (In Russian).

22. Gavrilyeva, T. N., Arkangelskaya, E. A. Severnye goroda: obshchie trendy i natsional'nye osobennosti [The northern cities and urban settlements: the common trends and national features]. *ECO*. 501 (3), 63-79. (In Russian).

23. Korotich, M. V. Otsenka ehkonomicheskoi konkurentosposobnosti malogo goroda [Economic competitiveness of a small-town: complex approach]. *ECO*. 494 (8), 130-136. (In Russian).

24. Fauzer, V. V. (ed.), Fauzer, G. N., Lytkina, T. S., Smirnov, A. V. (2019) Metodika opredeleniya opornykh poselenii rossiiskoi Arktiki [Methodology for defining pivotal settlements in the Russian Artic]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 12 (5), 25-43. (In Russian).

25. Kozlova, O. A., Soskova, O. N. (2018) Faktory prostranstvennoi differentsiatsii gorodskogo rasseleniya promyshlennykh regionov Urala i Zaural'ya [Spatial Differentiation Factors of Urban Population Density in the Industrial Regions of Urals and Trans-Urals]. *Ars Administrandi*. 10 (1), 64-79. (In Russian).

26. Zamyatina, N. Yu. (2020) Severnyi gorod-baza: osobennosti razvitiya i potentsial osvoeniya Arktiki [Northern city-base: its special features and potential for the arctic development]. *Artic: Ecology and Economy*. 38 (2), 4-17. (In Russian).

27. Kolomak, E. A. (2018) Razvitie gorodskoi sistemy Sibiri v postsovetskii period: prognozy i real'nost' [Development of the Siberian urban system in the post-soviet period: predictions and reality]. *ECO*. 529 (7), 57-66. (In Russian).

28. Fauzer, V. V., Fauzer, G. N., Lytkina, T. S. (2017) Gosudarstvennye preferentsii dlya naseleniya otdalennykh i severnykh territorii Rossii [State preferences in remote and northern territories of Russia]. *Artic: Ecology and Economy*. 29 (4), 90-127. (In Russian).